

Валерий
Сухов

ГРОЗОВОЙ РАСПЛЕСКАЛИСЬ ВЬЮГОЮ ОТ ПЛЕЧЕЙ МОИХ ВОСЕМЬ КРЫЛ...

*Демонические мотивы Лермонтова
в интерпретации Есенина*

Образ Демона был неотступным «спутником» М. Ю. Лермонтова на протяжении всего его творческого пути. «Демонические мотивы» у Лермонтова выступают как повторяющийся комплекс чувств и идей во многих произведениях. Впервые они проявились в стихотворении «Мой Демон» (1829). Во второй его редакции Лермонтов подчеркнул: «И гордый демон не отстанет, / Пока живу я, от меня» [1, 1; 292–293]. Понятие демонизма в осмыслении особенностей лермонтовского романтизма имеет глубокий философский смысл. Автор поэмы «Демон» воспринимается нами как поэт, который ведет спор со своим «демоническим» двойником и постепенно преодолевает в себе демоническое начало.

Обращение к лермонтовским традициям и развитие его «демонических мотивов» в первые десятилетия XX века было характерно для многих поэтов-модернистов. Например, В. Брюсов писал: «...Мой восторг перед Лермонтовым... был неумерен... Я начал даже писать большое сочинение о типах Демона в литературе... В подражание “Демону” написал я очень длинную поэму “Король”...» [2; 74–75]. Влияние Лермонтова отразилось и на творчестве А. Блока, о чем красноречиво свидетельствует его стихотворение «Демон» (1916). Ряд подобных примеров можно продолжить. Символисты, отстаивавшие принцип жизнетворчества в искусстве, подчеркивали демонический характер самого Лермонтова, который давал повод для этого, написав в «Посвящении» (1831) к одному из ранних вариантов своей главной поэмы: «Как демон, хладный и суровый, / Я в мире веселился злом» [1, 2; 453]. Поэтика контрастов, характерная для романтизма, отражение извечной борьбы божественного и демонического начал в душе человека с юных лет влекли Есенина к творчеству Лермонтова. Об этом свидетельствует его признание, сделанное в автобиографии, датированной 1924 годом: «Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину» [3, I; 215]. О многом говорит тот факт, что Есенин именно Лермонтова поставил на первое место. Т. П. Голованова так охарактеризовала эту тенденцию: «Обращаясь за разрешением своих вопросов к творчеству Лермонтова, поэты начала XX века воспринимали его нравственно-философское содержание далеко не однородно. Чаще всего в нем выделялось богоборческое, грандиозное, “сверхчеловеческое” начало...» [4; 15].

Н. И. Шубникова-Гусева в монографии «Поэмы Есенина: От “Пророка” до “Черного человека”» убедительно доказала, что Сергей Есенин «создал принципиально новую систему художественного постижения мира, в основе которой лежит идея полемического диалога, как основы бытия в русской культуре» [5; 22–23]. Своеобразный диалог с Лермонтовым вел Есенин, начиная с раннего периода творчества. Например, в стихотворении «Матушка в Купальницу по лесу ходила» (1912) Сергей Есенин символически связал свое поэтическое рождение с языческим праздником – Купальницей: «Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, / Сутемень колдовная счастье мне пророчит» [3, I; 29]. Время рождения, по народным верованиям, определяет весь жизненный путь человека, его судьбу. В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» символика обрядов, связанных с этим языческим праздником, объясняется таким образом: «Содержательным стержнем всей купальской обрядности является мотив изгнания, выпровождения нечистой силы, которая, по народным представлениям, особенно опасна в это время» [6; 267]. В связи с этим особый интерес для нас представляет стремление Есенина в 1918 году создать совместно с поэтом С. Клычковым новое течение – «аггелизм». Между «аггелами» – «падшими ангелами» и лермонтовским Демоном есть много общего. Они восстали против Бога и были прокляты им.

О. Е. Воронова отмечает, что «у есенинского “аггелизма” были не столько мировоззренческие, сколько эстетические, литературные истоки... В декадентской поэзии... Сатана предстал в героическом ореоле, как воплощенный дух мятежа...» [7; 371–372]. Анализируя «метаморфозы романтического демонизма» в поэзии Серебряного века, подчеркнем особо, что именно лермонтовский «Демон» стоял у истоков этой традиции. О. Е. Воронова выдвинула интересную концепцию, связав есенинское хулиганство с его попыткой основания «аггелизма»: «... “Аггелизм” из недоовоплощенного замысла реализовался в формах литературного “хулиганства”» [7; 372–373]. На самом деле, Есенин не случайно отмечал, что после того как написал «Инонию», за ним «утвердилась кличка хулигана» [3, VII; 355]. Так есенинское «хулиганство» стало своеобразным развитием лермонтовских «демонических мотивов».

В библейских поэмах Есенина ярче всего это проявляется в «Инонии» (1918). В этой поэме есенинский богоборческий космизм сродни бунтарству лермонтовского Демона. Неслучайно у Есенина возникает образ крыльев, которые подчеркивают его стремление и готовность «повернуть весь мир». Так рождается есенинская демоническая метафора: «Грозовой расплескались вьюгою / От плечей моих восемь крыл» [3, II; 62].

Главный герой «Инонии» – Есенин Сергей не только уподобляется новому пророку, который «говорит по Библии». Лермонтовское влияние здесь проявляется в том, что лирический герой одновременно предстает в образе Демона – богоборца. При этом его демонизм приобретает чисто есенинский хулиганский «характер». Это отражается в таких эпатажирующих заявлениях: «Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов. / Ухвачу его за гриву белую / И скажу ему голосом вьюг: / Я иным тебя, Господи, сделаю...» [3, II; 62]. Своеобразная одержимость демоническим началом в эпоху революционной ломки нравственных устоев воплотилась у Есенина и в черновом наброске, который не был включен в окончательный вариант поэмы «Сельский часослов» (1918): «О, родина. / Дьявол меня ведет по пустыне. / Вот он... / Слышу. / В дудку ветра поет мне песню» [3, V; 303].

Есенинское восприятие имажинизма в духе бунтарского протеста против устаревших канонов искусства нашло выражение в стихотворении «В час, когда ночь воткнет...» (1919): «К черту чувства. Слова в навоз, / Только образ и мощь порыва!... / Нынче мужик простой / Пялится ширше неба» [3, IV; 81]. Здесь явно лирический герой поэта одержим демоном гордыни. Своеобразный мужицкий его бунт против неба – это восстание против Бога. По своей сути, есенинский боготорческий имажинистский эпатаж отразил тот вечный конфликт демонического и божественного в душе человека, который обострился в эпоху революционной ломки привычных нравственных устоев, когда многие не выдержали искушения Злом, надевшим на себя маску Добра.

С. А. Есенина сближал с М. Ю. Лермонтовым бунтарский дух творчества, выразившийся в стремлении отстоять свободу искусства в эпоху установления советской тоталитарной идеологии. Поэтов с характерным «лермонтовским» романтическим мироощущением не могло не волновать то, что «немытая Россия» вновь становится жертвой деспотии. Лермонтовский демонизм, воплотивший в себе «яд отрицания» и «холод сомнения» (В. Г. Белинский), явно импонировал Есенину, для которого именно «хулиганство» становится формой романтического протеста «против умерщвления личности как живого» [3, V; 116]. В стихотворении «Хулиган» (1919) Есенин сравнивает поэта с ветром. В славянской мифологии «ветер наделялся свойствами демонического существа. Считалось, что с ветром летают души больших грешников» [8; 250]. В образе поэта-хулигана Есенин стремится обозначить черты демонической личности, что характерно было для его романтического мировосприятия. Обращаясь к «безумному ветру», лирический герой заявляет: «Не сотрет меня кличка “поэт”, / Я и в песнях, как ты, хулиган» [3, I; 154].

Характеризуя особенности лермонтовской поэтики, Е. В. Логиновская писала в монографии «Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон»: «Ярчайший образец романтизма, поэма «Демон» вся построена на антитезах... Но диалектическая сложность лермонтовского видения мира не ограничивается этим противопоставлением. Поливалентные образы и символы поэмы находятся в исключительно сложном соотношении, то переплетаясь... то контрастируя, то сливаясь в новом синтезе» [9; 71]. Есенин по-лермонтовски стремился соединить несоединимое в творчестве и в жизни. В есенинском программном стихотворении «Мне осталась одна забава» (1923) это вылилось в емкую поэтическую формулу: «Дар поэта – ласкать и карябать, / Роковая на нем печать. / Розу белую с черной жабой / Я хотел на земле повенчать» [3, I; 185]. Отметим, что в славянской мифологии с образом жабы связывают демоническое начало: «Лягушка, жаба – нечистое животное, родственное змее и другим “гадам”... Лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея...» [8; 252]. П. А. Фролов в книге «Лермонтовские Тарханы» приводит тарханскую версию зарождения лермонтовского сюжета о Демоне: «Вскоре обнаружилось, что змей и впрямь навещает вдову. ...Летающий змей – злой дух, дьявол. Это он, воспользовавшись неутешным горем вдовы и ее временной слабостью, принимал обличье покойного, коварно обманывал измученную горем женщину...» [10; 227]. Возможно, именно из мира народных преданий, с которыми Лермонтов познакомился в Тарханах, а Есенин – в Константиново, пришли демонические мотивы и образы в их произведениях. В этом смысле Есенин по своему национальному архетипу мышления был близок Лермонтову.

Мы можем отметить принципиальное сходство в трактовке извечной проблемы борьбы добра и зла в душе человека, которое сближает с Лермонтовым Есенина, исповедально признавшегося: «Пусть не сладились, пусть не сбылись / Эти помыслы розовых дней. / Но коль черти в душе гнездились – / Значит, ангелы жили в ней». Неслучайно в финальных строках этого программного для имажинистского периода есенинского творчества стихотворения с потрясающей силой воплощена идея покаяния: «Я хочу при последней минуте / Попросить тех, кто будет со мной / Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать» [3, I; 186]. Финал этого есенинского стихотворения можно сопоставить с итогом противоборства Демона и ангела за душу Тамары в финале поэмы «Демон»: «В пространстве синего эфира / Один из ангелов святых / Летел на крыльях золотых, / И душу грешную от мира / Он нес в объятиях своих» [1, II; 401].

Именно «демонический» бунт против Бога привел Есенина в конечном итоге к трагической внутренней раздвоенности, что нашло отражение в поэме «Черный человек» (1923–1925). Восприятие «черного человека» как демонического двойника лирического героя поэмы помогает понять одну из главных причин нравственной трагедии и самого автора. Черный человек – это Демон Сергея Есенина, который, как тень, преследовал поэта. Создавая свой вариант демонического искусителя, Есенин дал глубокое философское осмысление проблемы «двойничества», развивая и по-своему интерпретируя идеи и образы поэмы М. Ю. Лермонтова. Отметим сходство в символике синего света, который в традициях христианства ассоциируется с божественным началом, в «Демоне» Лермонтова и в «Черном человеке» Есенина. Борьба «адского духа» с ангелом за душу Тамары завершается торжеством посланца Бога над Демоном: «И Ангел строгими очами / На искусителя взглянул / И, радостно взмахнув крылами, / В сиянье неба потонул. / И проклял Демон побежденный / Мечты безумные свои, / И вновь остался он, надменный, / Один, как прежде, во Вселенной / Без упования и любви!» [1, II; 401]. У Есенина: «...Месяц умер, / Синеет в окошко рассвет» [3, III; 194].

Определяя лермонтовский подтекст итоговой есенинской поэмы, нельзя пройти мимо другого принципиального сходства. В поэмах М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина в финале главные герои остаются одни. У Лермонтова Демон – один во Вселенной, у Есенина лирический герой также наказан одиночеством: «Я один... И разбитое зеркало» [3, III; 194]. Сравнивая конфликты, основанные на противостоянии между ангелом и Демоном в поэме Лермонтова и противоборством лирического героя со своим демоническим антиподом – «черным человеком» в есенинской поэме, мы можем отметить несомненные творческие параллели. В. Н. Аношкина-Касаткина в статье «Религиозное добро и зло в поэме “Демон”» дает такую современную трактовку ее идейному содержанию: «Эта поэма – предупреждение человеку о демонической опасности, о близости Злой силы, которая сторожит человека. Автор указал на оборотничество злого духа, именно Лермонтов создал антитезу пушкинскому Моцарту. ... Демон назван “злым гением”...» [11; 301].

На самом деле, Лермонтов и Есенин в своих поэмах отразили вечный процесс борьбы добра и зла в душе человека. Их образная система художественно запечатлела духовное движение авторов, связанное со стремлением избавиться от демонов гордыни, индивидуализма, безверия, цинизма. По пути, проложенному

Лермонтовым, через покаяние и «самоочищение» души шел и Есенин к новому обретению веры. Неслучайно в октябре 1925 года, незадолго до того как была закончена поэма «Черный человек», Есенин в стихотворении «Ты ведь видишь, что небо серое...» признавался: «Ты прости, что я в Бога не верую –/ Я молюсь ему по ночам» [3, IV; 280].

В «Лермонтовской энциклопедии» отмечается, что поэма «Демон» «заклучает в себе сложное переплетение идейно-символических мотивов и неоднозначна для восприятия. Можно указать на несколько сфер восприятия и истолкования «Демона»: космическую, или вселенскую, где Демон рассматривается в отношении к Богу и мирозданию; общественно-историческую, где Демон выражает определенный момент в становлении передового сознания эпохи; психологическую – как апофеоз и трагедию свободной страсти» [12; 131].

С. А. Есенин, творчески развивая идеи и образы поэмы «Демон», следовал в том же направлении, что и Лермонтов, в чем-то повторяя его идейно-художественную эволюцию. Убедиться в этом мы можем, открывая лермонтовский подтекст, связанный с различными модификациями «демонических мотивов» в есенинском творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. В 4 т. Л., 1980. Ссылки по этому изданию даются с указанием тома и страниц в скобках.
2. Брюсов В. Я. Из моей жизни. М., 1927.
3. Есенин С. А. Полн. собр. соч. в 7 т. (9 кн.). М., 1995–2001. Ссылки по этому изданию даются с указанием тома и страниц в скобках.
4. Голованова Т. П. Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978.
5. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001.
6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
7. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская православная культура. Рязань, 2002.
8. Славянская мифология. Энциклопедический словарь.
9. Логиновская Е. В. Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон». М., 1977.
10. Фролов П. А. Лермонтовские Тарханы. Саратов, 1987.
11. Аношкина-Кастаткина В. Н. Религиозное добро и зло в поэме «Демон» // М. Ю. Лермонтов и православие. М., 2010.
12. Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.

Валерий Сухов родился 1 января 1959 г. в с. Архангельском Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт имени В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова и Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами». Работал учителем в сельской школе, преподавателем литературы в университете. Автор пяти сборников стихотворений. Член Правления Пензенского отделения Союза писателей России и редакционной коллегии журнала «Сура». Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Нижегородская провинция», в «Литературной газете». Живет в Пензе.

